

в прошлом веке, не говоря о громадном шаге вперед, сделанном советским литературоведением. Нельзя согласиться с теми методологическими установками, с которыми автор подходит к объяснению рассматриваемых им явлений. Автор стоит на позициях, к сожалению, явно непригодных с точки зрения современной науки. Литературный и фольклорный материал, привлеченный в книге, зачастую как бы висит в некоем вневременном и внесоциальном пространстве, почти совсем не связан с конкретно-историческими условиями народной жизни в Болгарии. Апокриф нельзя рассматривать лишь как простую вариацию библейской легенды. В истории многих народов нередки случаи, когда в апокрифах отражалась та или иная ересь, бывшая выражением острой политической борьбы. Еще Энгельс в книге «Крестьянская война в Германии» безжалостно высмеивал тех буржуазных историков, которые, изучая культуру средневековья, утверждали, что «если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел». Энгельс указывал, что в основе религиозных войн лежала борьба классов и что «если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» (Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1939, стр. 40).

И несомненно, первоочередной задачей исследователя, пишущего работу об апокрифах, должно быть объяснение роли, которую сыграли апокрифические мотивы в политической борьбе эпохи средневековья. В X в. в Болгарии возникает исключительно интересное и до сих пор мало изученное политическое движение, выступившее под религиозным знаменем богомильской ереси. Это движение, надолго захватившее широкие массы как в Болгарии, так и далеко за ее пределами, отражало протест демократических слоев против произвола и гнета аристократии и церковной верхушки. Читатель вправе был ожидать от исследования об апокрифах, написанного болгарским ученым, хотя бы частичного освещения проблемы связи апокрифов с богомильством. К сожалению, ожидания эти не оправдываются. В то же время Вранская, разбирая влияние есхатологических апокрифов на болгарские народные песни, сообщает немало любопытного. В приводимых автором песнях раскрывается следующая картина загробного мира: перед бедными стоят различные яства, а перед богатыми лежат лишь золото и серебро. Изголодавшиеся богатые умоляют дать им в обмен на драгоценности хоть немного кушанья, но в ответ неизменно получают отказ. В этих песнях отчетливо выступает социально-политическая тенденция, своим острием направленная против угнетателей. Трудно сказать, можно ли видеть в этих песнях связь с богомильством, но, во всяком случае, можно было бы ожидать от автора социального осмысления этих фактов.

Вообще история Болгарии, история болгарского народа, крайне скудно отражена в труде Вранской. Остается несным, как создавались различные апокрифы, какое развитие они имели в болгарской письменности. Остается не определенным и вопрос, как апокрифические мотивы о богородице в народном творчестве изменялись на протяжении веков. Заметим, кстати, что, видимо, не случайно в книге нигде не указано и время записей той или иной народной песни. Правда, в заключении автор говорит, что «мотивы апокрифов о богородице, разработанные в болгарской народной поэзии, претерпевают значительные изменения, каким подвержены религиозные сюжеты на народной почве. Над возвышенным, небесным, ирреальным берет перевес будничное, земное, реальное». Это совершенно справедливо. Однако вне поля зрения автора остался весьма длительный и сложный процесс этих изменений, так же как и причины, их обусловившие.

Грех буржуазной филологии был прежде всего в том, что, занимаясь формальным анализом литературных явлений, она оставляла в стороне существо дела — выяснение социальных корней тех или иных литературных фактов. Книге Вранской присущи те же недостатки.

И. Дмитриков, М. Кузнецов

Х. Вакарелски, *Въпросникъ-упътване за събиране на етнографски материали*, София, 1946, 158.

Рецензируемая работа, представляющая собой подробную программу по сбору этнографического материала, является вторым, значительно дополненным изданием брошюры того же автора, вышедшей в 1945 г. (см. нашу рецензию в «Советской этнографии», 1946, № 3).

Несколько изменяя в данной программе ее структуру, автор делит всю область культуры на «вещественную», «духовную» (в последней автор выделяет в самостоятельный раздел — область словесного и художественного творчества) и «общественную», и соответственным образом распределяет все программные вопросы. Первая группа вопросов (занимающая 40 страниц текста) охватывает отдельные отрасли хозяйственной деятельности (рыболовство, скотоводство, земледелие, добыча, сохранение и обработка сырья), орудия труда и средства сообщения, одежду, жилище, предметы народного художественного творчества. Раздел, посвященный духовной культуре, занимающий 44 страницы, наряду с вопросами из области народной космографии, ме-

теорологии, географии, геологии, медицины, народных представлений о растительном и животном мире, включает небольшой круг вопросов, посвященных представлениям о человеке, отдельных национальностях, обычаях и обрядах, приуроченных к отдельным отраслям хозяйственной деятельности. К области общественной культуры автор относит совокупность обрядно-магических процедур, бытующих в семье (обычаи при рождении, вступлении в брак, смерти, погребении), гостеприимство, обычаи, связанные с отправлением в путь, переселением на новое место. Большое место в данном разделе отведено вопросам народного календаря. Не затрагивая культуры совершенно области народного права, автор отсылает читателя к работе С. С. Бобчева «Новоупътване за събиране и изучаване на народните юридически обычаи», София, 1904, работая все же устарелой. Четвертый раздел программы (26 страниц текста) включает вопросы из области словесного и художественного творчества.

И. Прокопович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Tovia Ashkenazi, *Tribus semi-nomades de la Palestine du Nord*, Paris, 1938
XIV+286.

Ашкенази — автор нескольких исследований по арабским и арабизированным туркменским племенам Северной Палестины. Рецензируемая работа состоит из 3 частей. Первая трактует «проблему номадизма» арабских племен Палестины, подробно останавливаясь на их хозяйственной классификации, статистике, племенных территориях и путях перекочевок. Хорошо показаны взаимоотношения племен и центральной власти (турецкой, затем британской) и прогрессирующая феллахизация бедуинов. Вторая часть — «Социальные нравы и обычаи» — описывает организацию и характер племенной власти, институты защиты и гостеприимства, рабство, кровную месть, юрисдикцию, военное, брачно-семейное и наследственное право, обычаи и верования, связанные с болезнью и смертью. Третья часть, — «Сельская экономика» — посвящена описанию жилища, одежды, пищи, скотоводства, земледелия и побочных промыслов. В виде приложения даны образцы бедуинского фольклора (в переводе), два мирных договора между арабскими племенами и еврейскими земледельческими колониями и сводная таблица племен и племенных подразделений Северной Палестины. Работа снабжена иллюстрациями и обширной, хотя и не вполне исчерпывающей, библиографией. В части этнографической характеристики северопалестинских племен значение работы Ашкенази невелико. Описания носят поверхностный и фрагментарный характер, фиксируя, как правило, только общеизвестные моменты. Описывая оседлое арабское жилище Палестины — каменный или глиняный дом, Ашкенази совершенно опускает его внутреннюю планировку. 'Аришех — овальная хижина из ветвей и цыновок, интересный тип жилища почти полностью феллахизированных полуномадов, — едва упоминается. Отсутствует хозяйственная характеристика основных форм общественной организации полуномадов Северной Палестины — большой семьи ('эйлех) и родовой группы (хамулах). Правильно отмечая незначительное отличие системы обычного права полуномадов Палестины, Трансиордании и Неджеба по сравнению с верблюдоводческими племенами Северной и Центральной Аравии, Ашкенази впадает в крайность, непомерно идеализируя и архивизируя быт и право «настоящих» бедуинов — верблюдоводов. Основная ценность работы — в насыщающем ее статистическом материале и классификации племен Северной Палестины. По данным переписи 1931 г., число полуномадов Палестины определяется в 66 553 чел., т. е. всего в 6,4% общего числа населения. Из этого числа 70% приходится на Южную Палестину (область Беершебы), племена которой еще сохранили кочевой уклад и бедуинскую культуру. Остальные 30% падают на 65 племен Северной Палестины (главным образом, Вифлеем, Иудея, Бейсан, Галилея, Шарон, Дженоссар). Некоторые племена насчитывают всего 10—15 человек, 14 племен имеют менее 100 человек, 13 племен — менее 200 человек. В Северной Палестине совершенно отсутствуют типичные арабские племенные образования — *кабйлах* и *ашйрех*; сохранились только родовые группы (*хамулах*). Северопалестинские полуномады не имеют общеплеменных генеалогий, даже искусственно созданных. Подавляющее большинство племен — свежие конгломераты различных родов, отколовшиеся от сирийских, североаравийских и синайских племен, а также туркменских и курдских племен Палестины. Если сопоставить данные Ашкенази с материалами по племенному составу Трансиордании (Жоссен, Клаусс), Сирии (Даути, Мусиль, Бушман) и Ирака (Хуршид-эффенди, Монтань), то становится очевидным, что «измельчание» и «этническая разнородность» полукочевых племен Северной Палестины не являются случайным или уникальным явлением. Это — общая участь всех полуномадов, продолжающих совершать незначительные перекочевок на границах «культурных» зон Сирии, Палестины и Ирака. Кризис скотоводческого хозяйства беспрестанно вырывает из их рядов и толкает к полной оседлости отдельные семьи и целые родовые группы. Одновременно с этим, полукочевые племена пополняются за счет бедуинских племен Северной Аравии, отдельные роды и подразделения которых, обеднев, не имеют верблюдов для длительных перекочевок и вынуждены присоединяться к полуномадам. Общая тенденция заключается в переходе бедуинов к полукочевому, а полуномадов — к оседлому хозяйству; неравномерность прохода этих эта-